

фантастическая
история

Книги Юрия Корнеева
в серии «Фантастическая История»

ЛЕОНХАРД ФОН ЛИНДЕНОРФ. БАРОН
ЛЕОНХАРД ФОН ЛИНДЕНОРФ. ГРАФ

МОСКВА, 2019

фантастическая
история

Юрий Корнеев
Леонхарт
фон Линдендорф.
Граф

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К67

Серия основана в 2010 году
Выпуск 137

Корнеев Ю.

К67 Леонхард фон Линдендорф. Граф: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 281 с.: ил. — (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-3008-6

Турист из России, бездельничающий в Германии в две тысячи шестнадцатом году, неизвестно каким образом оказывается вдруг в четырнадцатом веке в теле юного барона. Правда, барон ранен и его собираются добить, а замок разграбить и сжечь, но главное — он все-таки жив. Но обошлось, выкрутился. Так и пошло: жизнь подбрасывает постоянно зубодробительные подарки, а он выкручивается, и не без прибыли для себя. За четыре года пребывания в средневековой Германии добился довольно многого, хотя особенно к этому и не стремился. Иногда приходилось поступать жестко и даже жестоко, но ничего не поделаешь — время такое. Иначе просто не выжить. А что впереди? Впереди еще множество вызовов, и на все надо достойно ответить.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Юрий Корнеев, 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

ISBN 978-5-9922-3008-6

ГЛАВА 1

Ну вот мы наконец-то и плывем. Или идем? Нет, все-таки плывем. Это, может, по морям ходят, а по рекам наверняка плавают. Все дальше и дальше пристань и городок вокруг нее. Городок, кстати, назвали Хаттинген, по имени деревушки, находящейся рядом. Ну и ладно. Хотя я собирался назвать его в честь рожденного ребенка. Правда, ребенок еще не родился, и неизвестно, кто это будет — мальчик или девочка, но все равно назвал бы по имени сына или дочери. Поэтому хотел отменить предыдущее название, которое возникло само по себе, но Ами меня отговорила. Может, она и права — ребенка-то еще нет. Пока он родится, пока его окрестят и дадут имя, сколько времени пройдет... Ладно, пускай будет Хаттинген.

Хотя я заметил, что в Германии нет ни одного города, названного именем какого-то человека. Не называют почему-то ни в честь императоров, ни в честь королей, ни в честь герцогов каких-нибудь. В России каждый второй город назван именем какого-нибудь деятеля, а здесь такого нет. Может, так и надо? Ладно, поговорю потом с отцом Бенедиктом, надеюсь, он мне это прояснит. Хотя что он мне скажет, я и сейчас могу сам процитировать: «Гордыня — тяжкий грех». И ведь он прав. Даже если я назову город не своим именем, а именем своего ребенка — это все равно гордыня. Так что ну его на фиг, связываться со святошами — себе дороже.

Все, городок исчез вдаль. Пойду-ка я вздремну. Последняя неделя выдалась уж очень суматошной. Спать приходилось по три-четыре часа в сутки. Ну так я и рассчитывал выспаться во время плавания. Вот и высплусь. Правда, какой-нибудь ка-

ютки отдельной у меня не было. Только в корме судна мне выгородили небольшой отнорок, но там даже встать в полный рост нельзя. Но зато тюфяк знатный — широкий, набитый свежим сеном. На него я еще постелил свою походную попопу — и вообще получилось царское ложе. Правда, накрываться придется все равно плащом, но я к этому уже привык.

Поспать удалось часа три. Мы вошли в земли, принадлежащие архиепископу Кельна. Вернее, женскому монастырю. Почему именно женскому монастырю — понятно. Хотя на левом берегу Рура стоял городок Верден с мужским монастырем, основанным, кстати, пораньше женского. Верденское аббатство возникло аж в 799 году, а женский монастырь — только в 845-м. Но женский был открыт как штафт, то есть полумонастырь, для дам благородного происхождения. И жили там не только монахини, но и просто благородные воспитанницы, которые со временем выходили замуж. Естественно, тоже за благородных. Куда уж тягаться простому монастырю с монастырем, набитым благородными дамами и девицами.

Хотя и дамочкам тоже не всегда фарт шел. Так, город Эссен в прошлом, 1377 году взял да и отделился от монастыря. И стал свободным городом. Хотя с их стороны это, конечно, свинство. Ведь благодаря именно женскому монастырю Святой Марии, деревушка Эссен в 1003 году получила статус города, а уже в 1041 году — и рыночное право. Но, с другой стороны, если бы дамочки захотели, они бы этот городишко по камушкам раскатали. Не сами, конечно, а папаши воспитанниц и мужья бывших воспитанниц. Да и у самих монахинь полно благородных родственников. Значит, сами этот город отпустили в свободное плавание. А вернее всего, из-за того, что этот город монастырю и не нужен. Еще бы, с 1354 года монастырю принадлежит серебряный рудник. И серебра он дает ого-го сколько. Зачем им еще и с городом возиться? Тем более земля-то вокруг осталась за монастырем. Со всеми деревнями. Я бы, конечно, город из своих рук все равно не выпустил. Но то я, а то дамочки.

Хотя был бы у меня серебряный рудник, неизвестно, как бы я себя повел. Вернее, никак бы я себя не повел. За серебря-

ный рудник мне бы быстро голову скрутили. Это монастырь не трогают. Правда, будь это простой монастырь, его бы уже и не было. А именно этот не тронут. Ну и дай бог им здоровья. А я уж как-нибудь и без серебряных рудников обойдусь. Моя сталь ничуть не хуже. Хотя в этой земле чего только нет... Если поискать, то наверняка можно найти еще серебро. Только вот кто искать будет? Я в этом ничего не смыслю, а приглашать сторонних рудознатцев слишком рискованно. А вдруг и в самом деле найдут? Хорошо, если я им успею глотки перерезать, пока они об этом не разболтали, а если не успею? Тогда уже мне перережут, и не только мне. Так что ну его. И без того еле успеваю отбиваться от всяких ухарей в коронах.

До ночи пересечь монастырские земли не успели, поэтому ночевать остановились у берега, сбросив якоря. На берег не сходили — это не моя земля, и как хозяйева к нам отнесутся, неизвестно. В принципе, у меня с монахинями отношения хорошие, но кто их знает, этих баб. Лучше не провоцировать.

Ночь прошла спокойно. Только начало сереть вокруг, мы отправились дальше. К обеду были у нашего наплавного моста. Останавливаться надолго не стали, и как только освободили проход, рванули дальше. В принципе, я пока не спешил, поэтому гребцы не очень напрягались. Вот после Дуйсбурга придется поднажать. Главное, чтобы швисы не пронюхали про наш поход раньше времени. А то успеют подготовиться к встрече. Их баталий я не боялся, встречались уже, и им эти встречи пережить не удалось, но вот партизанских действий с их стороны опасался. Там их земля, и гоняться за ними по их горам и лесам мы не сможем. Так что кровь они нам попортить могут здорово. А потерь хотелось бы избежать. Но надеюсь, что о нас они узнают, только увидев под стенами Шаффхаузена. Правда, что мне с этим городом делать, я так и не решил. Нет, сам-то город я, конечно, сожгу, а вот что делать с его жителями? Там ведь остались в основном женщины и дети. Мужиков мы уже всех похоронили. Сомневаюсь, что обе баталии были целиком из города. Наверняка и из окрестных деревень людей набирали, но тут уж ничего не поделаешь — по окрестностям города я шариться не смогу. Мне там задер-

живаться не с руки. Спалю город — и тут же назад. Ну, если попадутся по пути какие деревни, то и их сожгу. Детей и женщин, конечно, жалко. Ладно, буду действовать по обстановке. На месте видно будет.

Дуйсбург проскочили уже когда начало темнеть. Мои капитаны почти все были отсюда, так что фарватер Рейна знали прекрасно в обе стороны, поэтому мы еще часа два плыли вверх по реке почти в полной темноте. Ночевали опять не сходя на берег. А вот с утра уже пришлось потрудиться. Гребцы на веслах менялись каждые два часа. Хорошо хоть ветер был попутный, но очень уж слабый, еле дул. Но километров десять в час мы делали, и это очень даже неплохо. Так мы дней за пять доберемся до места.

Вот мы и мчались по реке. Ни в города, ни в деревни не заходили, а их по берегам реки было довольно много. Из городов за нами иногда пытались погнаться на каких-то кораблицах, но быстро отставали. Да, обратно придется идти со скандалами. Как мне сказал капитан, на Рейне было около шести десятков таможен. Обалдеть! Как же здесь купцы плавают? Это ведь на каждой таможне надо отстегнуть... К тому же единой таксы нет. Каждый город, да даже каждый рыцарь, имеющий владения с выходом к реке, устроил свою таможню и пытается хоть что-то поиметь с купцов. Ну и бардак... И куда только император смотрит? Это на сколько же возрастет стоимость товара при транспортировке его из Базеля в Роттердам? А мы нахально проходим мимо всех этих таможен. На обратном пути нас постараются потрясти. Ну-ну, пусть попробуют.

На пятый день подошли к Базелю. Так себе городишко. Вообще-то город был большим и многонаселенным, раньше. Но чума в 1348 году унесла половину горожан, тысяч 14—15, а в 1356-м вдогонку случилось землетрясение, из-за чего город сгорел почти полностью. И сейчас еще восстанавливался. Пока что к швейцарской конфедерации он не относился. Сейчас он принадлежал Габсбургам. В 1376 году во время карнавала возникла кровавая потасовка между подданными герцога Леопольда Третьего Австрийского Габсбурга и горо-

жанами. Леопольд сильно обиделся на горожан и захватил город, наложив на него огромные штрафы. Ну прям как я. Хотя тут все так поступают. А Базель не спасло даже то, что он был столицей Базельского епископства. Плевать Леопольд хотел и на епископа и на епископство. А вот мне надо быть осторожней. С Леопольдом лучше не связываться. Плохо то, что через Рейн перекинут мост. Нормальный такой мост, каменный. Его построили еще в 1226 году. И под этим мостом моим кораблям надо было пройти. Нет, сейчас-то пройдем, пока никто не очухался, вернее, уже проходим, а вот на обратном пути придется с ними договариваться. Иначе придется воевать, и воевать по-серьезному. Ведь если на мосту сосредоточить лучников, арбалетчиков и аркебузирова, а если еще и кулеврины установить, то мы кровью умоемся, пока пройдем мост. Так что если хозяева города взбрыкнут, то придется мост захватывать. Значит, придется высаживать десант. А в бою в городе мушкетеры понесут большие потери, а это меня не устраивает. Мне проще сжечь город. Если и не весь, то предмостные кварталы наверняка. А уже потом высадить десант и захватить мост. Но это война с Леопольдом. Не хотелось бы. Слишком разные у нас весовые категории. Ладно, что голову забивать, обратно поплывем и посмотрим.

Базель проскочили. До Шаффхаузена еще километров сто. И если бы не этот чертов водопад, то вообще проблем не было. Ладно, плывем до деревушки, что недалеко от водопада, а оттуда идет дорога до города. Как раз к вечеру подойдем к этой деревне. Выгрузимся, и с утра вперед. Дорога там, правда, неважная, через лес и все время вверх. Все эти данные мне добыл Гюнтер через купцов. У меня даже простенькая карта была, но проводником все равно надо будет озаботиться. Думаю, перекрыть дорогу швисы не успеют. Деревню-то мы заблокируем, план разработан еще дома. Хотя наверняка кто-нибудь проскользнет, но пока он ночью доберется до города, пока там сообразят что к чему — мы и сами уже подтянемся.

Так, в общем-то, и получилось. С деревней. Один малый струг обогнал нас, проскочил деревню и высадил взвод муш-

кетеров, с другого струга мушкетеры высадились перед деревней и двумя взводами охватили ее. А потом уж и весь мой флот подошел к самой деревне. Выгружались до середины ночи. Пока шла выгрузка, ко мне притащили старосту. Невысокий, кряжистый мужик. Морда злющая. Глаза сверкают. Настоящий швис.

— Курт, много в деревне мужиков? — спросил я.

— Молодых почти нет.

Что и требовалось доказать. Небось сгнили уже, мужички ихние, в моей земле.

— Вот что, швис, — обратился я к старосте, — мне нужен проводник до Шаффхаузена. Сам и отведешь нас туда.

— А если не отведу?

— Сожгу деревню вместе с народом.

— А если отведу, то не сожжешь?

— И тогда сожгу. Но всех людей отпущу. Так что выбирай.

— За что же нам такая радость? Что мы тебе плохого сделали?

— Ваши две баталии пришли на мою землю и сожгли мой город и мои деревни. Вместе с жителями. Вот я и пришел долг отдать. Ведь и из твоей деревни бойцы в тех баталиях были. Сам знаешь: око за око, зуб за зуб.

— А не боишься, что наши баталии вернутся?

— Нет, не боюсь. Гниют они все в моей земле. Зарыли их всех, как собак, без молитвы.

Мужик аж затрясся. Видно, близкие родичи в тот поход ушли. Да, похоже, проводника мне здесь не найти.

— Посиди, подумай. Я и без проводника обойдусь, но время терять не хочется. А ты можешь своих односельчан спасти. Элдрик, свяжите его и не подпускайте к нему никого.

Пошел проверил выгрузку. Все уже были на берегу. Кира-сиры и коноводы пушкарей выгуливали лошадей. Остальные готовились ко сну. Кораблики наши уже отошли от берега метров на полста и встали на якоря. Здесь они нас и подождут.

Поднялись еще до рассвета. Быстро позавтракали и выступили. У деревни я оставил оба взвода, да и то не для охра-

ны крестьян, а чтобы помогли погрузить полевые кухни на корабли и остались на борту, для усиления. Староста, кстати, согласился быть проводником. Правда, поговорив с ним, понял, что в проводнике, в общем-то, я и не нуждаюсь — информация от Гюнтера полностью подтвердилась. И в самом деле, заблудиться здесь было просто невозможно — одна дорога идет вдоль реки в сторону Шаффхаузена, а сразу у деревни ответвление влево, в сторону Штютенгена. Но все равно приказал захватить его с собой. Мужик злющий, а раз староста, то, наверное, и не глупый, мало ли что удумает. А без него и деревенские поспокойней будут.

Пройти нам предстояло всего километров пятнадцать, но из них километров семь-восемь — по лесной дороге. А это не очень хорошо. Серьезной засады я не опасался, но если швисы решат поиграть в партизан, то у меня могут быть потери. От арбалетного болта, прилетевшего из леса, доспехи мушкетеров могут и не спасти. А если подстрелят коня из упряжки орудия, то будет совсем кисло. Можно, конечно, запрячь кирасирского коня, но они к упряжи непривычны, и помучиться тогда придется.

Через час вошли в лес. В боковые охранения пришлось пустить по взводу мушкетеров. Кирасиры у нас были в авангарде и арьергарде. Далеко отрываться от основной колонны я им не разрешил, но один десяток все-таки шел в полукилометре впереди нас. Для разведки, думаю, хватит, и если что, выстрелы на таком расстоянии мы услышим. Шли мы довольно медленно. К сожалению, увеличить скорость движения было невозможно — дорога шла все время вверх, а коней необходимо беречь. Но пока, слава богу, все спокойно. Думаю, весть о нас еще не распространилась по округе. В город о нас весточку наверняка передали. Какого-нибудь пацана староста туда послал, как только увидел наши корабли. Как пить дать, послал. Другое дело, что он мог там рассказать? Шестнадцать небольших корабликов подошли к деревне. Ну и что? Даже если он где-то затаился и видел выгрузку войск. Это еще ни о чем не говорит. Пока в городе эту весть перева-

рят, пока пошлют кого-нибудь на нас посмотреть, мы уже выйдем из леса, и нас тогда хрен остановишь.

Эти семь или восемь километров мы шли аж три часа, но зато прошли их без всяких происшествий. Оставляя заслон у леса я не стал — смысла нет. Каких-то значительных сил, способных доставить нам неприятности, в округе просто не было, и подтянуть их достаточно быстро швисы не могли. Нет, если мы застрянем здесь на несколько дней, то из окрестных деревень набегит много желающих пострелять в нас из леса, но на полноценную баталию людей все равно не наберется. Хотя для нас баталия как раз и не страшна, а вот с швисскими партизанами встречаться очень не хотелось. Ну так мы здесь долго куковать и не собираемся. Думаю, к вечеру уже вернемся к реке.

Выйдя из леса, мы так и шли по дороге. Никто нас не встречал, даже разведчиков видно не было. Правда, это не значит, что их вообще не было. Не верил я, что в городе о нас не знают, а затаиться здесь было где. Лес хоть и кончился, но вокруг разбросаны небольшие рощицы, да и кустарников хватало. Ну и ладно, пусть любят, все равно нас уже не остановить.

Так не спеша и дошли практически до самого города. Город был по нынешним меркам не маленьким. Тысячи на три жителей. Правда, учитывая, что всю боеспособную часть города я выбил, а из него в двух баталиях было наверняка человек шестьсот—семьсот, то сейчас в городе от двух до двух с половиной тысяч жителей. Нет, бойцы наверняка еще остались, не могли же все они пойти в поход... Хотя сейчас швисы именно наемничеством и зарабатывают на жизнь. И не только сейчас. И раньше этим зарабатывали, и еще долго этим будут зарабатывать. Слишком бедная у них земля. Горы да леса. Сельхозугодий почти нет. Да и горы бедные, пустые. Ничего в них нет. Вот и приходится зарабатывать своей кровью. Зато независимости себе уже почти добились. А было бы в их горах что-то интересное — хрен бы им, а не независимость. Вырезали бы всех до единого, и все. Сейчас с этим просто.

Так, ладно, а где встречающие? Мы подошли метров на пятьсот—шестьсот к городу, а на нас и внимания не обращают. Нет, ворота закрыли, и на стене стоят вооруженные люди, но хотя бы кто вышел и поинтересовался, что мы тут делаем... Вообще-то, я рассчитывал, что они выведут баталию из оставшихся в городе мужчин, мы ее быстренько перебьем, а потом выгоним всех из города, а сам город сожжем. Так среди женщин и детей потерь был бы минимум. Ну а сейчас что делать? Да и фиг с вами. Я стал отдавать приказы. Установили пушки. Одну батарею напротив ворот, остальные, побатарейно, влево и вправо от дороги. Курта с кирасирами послал к другим воротам. Приказал убегающих из города не трогать. Если только надумают повоевать и начнут организовываться, то такие группы уничтожать, но издали. Курт с кирасирами умчался. Я подождал еще полчаса. Никакого движения. Как будто нас тут нет. Ну-ну. Приказал пушки, установленные напротив ворот, зарядить картечью, а остальные — зажигательными бомбами. Одну роту мушкетеров оставил в арьергарде, метрах в пятистах от нас, по одному взводу отправил в боковое охранение, остальные выстроились рядом с пушками.

Пока проводили перестроения, прошло еще полчаса. И опять на нас ноль внимания. Ну что ж, вам же хуже. Приказал открыть огонь. Над городом стали взрываться бомбы, и огненные сгустки полетели вниз. За городской стеной видно ничего не было, но учитывая, что дома все деревянные, пожара осталось ждать недолго. И только теперь ворота стали открываться. Из ворот выбегали вооруженные люди. Но построиться и как-то организовать я им не дал. Заговорили пушки, заряженные картечью. До ворот было метров пятьсот: далековато, конечно, но прилетело им неслабо. Практически все, кто выскочил из ворот, уже лежали. Тут к веселью подключились мушкетеры. Били залпами. Как на учениях. Шви-сы, которые успевали выбежать из ворот, тут же и падали. Продолжалась эта бойня минут двадцать. Потом из ворот повалили уже женщины и дети. Приказал прекратить огонь. Среди женщин виднелись и мужчины, некоторые с оружием, но отменять приказ я не стал. Черт с ними, пусть убираются.

К нам они не приближались, а убегали кто влево от ворот, кто вправо. Город уже всюду похлывал. Весь он, конечно, не сгорит, но и этого достаточно.

Я приказал собираться и послал вестового за Куртом. Пора отсюда убираться. Скоро горожане придут в себя, им очень захочется отомстить, и лучше, если мы будем уже далеко отсюда. А то в лесу они нас могут здорово пощипать.

Как только впрягли лошадей, сразу выстроились в колонну и двинулись к лесу. Вдали показались наши кирасиры. Нагнали они нас уже недалеко от леса. Курт тут же подскакал ко мне и доложил. Все как я и ожидал. Как только началась бомбардировка города, из противоположных от нас ворот рванула толпа народа. В основном люди просто убегали из горящего города, но кое-где начали формироваться небольшие отряды, и вот с ними-то кирасиры и поработали. Они подскакивали к такой группе и разряжали в них свои пистолеты. Убили не так уж и много, но разогнали всех. Одного, который командовал больше прочих, прихватили с собой, предварительно угостив его мечом по голове, правда, плашмя. Сейчас он, как куль, лежал перед одним из кирасиров. Разбираться с ним я решил по выходе из леса. Сейчас не было времени. Надо быстрее проскочить лес, пока горожане не очухались. А двигались мы довольно медленно. Спускаться вниз было не проще, чем подниматься вверх. Пушкарям все время приходилось притормаживать лафеты с пушками, чтобы они не переломали ноги лошадям. Им в помощь я даже выделил по одному взводу из каждой роты.

Но наконец-то мы выбрались из леса. Останавливаться не стали, а продолжили идти к деревне у реки. Встали уже только у деревни. Наши кораблики стали подходить ближе, но ночевать я решил все-таки на берегу. Приближалась ночь, а грузиться в темноте — тот еще геморрой. Ночного нападения я не опасался, но вот прилета стрел из темноты надо было ожидать. Поэтому в сотне метров от лагеря мушкетеры выложили огромные кучи из разобранных сараев и домов деревни. Когда совсем стемнело, их подожгли. Теперь незамеченным к нам проскочить никто не сможет, а если и будут стрелять, то с

расстояния больше ста метров, а это уже на излете, не страшно. Даже ранить никого не смогут. В карауле стояли поротно. Вернее, не стояли, а в основном лежали. Каждый солдат подготовил себе укрытие, в нем и находился. Остальные располагались еще дальше, куда ни арбалет, ни лук добить просто не могли. Нет, какой-нибудь особо мощный лук добил бы, но откуда у нищих швисов такие луки?

Ночь прошла спокойно. Швисы, конечно, постреляли из луков и арбалетов, особенно под утро, когда костры почти прогорели, но жертв не было. Был легко ранен только один мушкетер. Стрела, пущенная навесом, воткнулась ему в ягодицу. Он своей руганью всех и перебудил. Но это случилось как раз под утро, так что все равно надо было вставать. Когда совсем рассвело, одна рота прочесала окрестности лагеря, но никого, конечно, не нашли.

Начали погрузку. Курт притащил пленного мужика.

— Курт, на фига ты мне его притащил?

— Ваше сиятельство, вы вчера сказали, что вам пока не до него, вот я и подумал, что сейчас самое время с ним поговорить.

И о чем мне с ним говорить? Честно говоря, я уже жалел, что решил на этот поход. Никакой пользы он мне не принес и не принесет. Надо было объявить, что мы обязательно отомстим швисам, но потом, и жить себе спокойно дальше. Нет, поперся черт знает куда. Спалил город. Ну и что? Никакой радости. Наоборот, какая-то тяжесть на душе. Не то чтобы мне было жалко погибших в огне швисов — погибли и погибли, и черт с ними, заслужили... но все равно чувствовал себя как-то муторно. И ничего не хотелось. Лечь бы сейчас и просто лежать и ни о чем не думать. А тут еще и со швисом каким-то беседовать. Лучше бы ему Курт еще вчера глотку перерезал. Ладно, поговорю.

— Ты кто? — спрашиваю у мужика. Одет он и в самом деле богато, по нынешним временам. Ткани дорогие и разных цветов. Попугай, блин. Правда, штанины одного цвета — значит, не дворянин. Только дворяне могли носить штанины разных цветов. Правда, у меня и моих офицеров штаны одно-

го цвета — черного. Ну так мы современной моды не придерживаемся. — Ну, чего молчишь?

— Отвечай его сиятельству! — рявкнул Курт и наградил его подзатыльником.

— Отто Бергман, член магистрата города Шаффхаузен. Зачем вы сожгли наш город?

— А где все ваши мужчины, Отто Бергман? Что-то маловато их было в городе.

— Ушли в найм.

— Ушли, говоришь... Так вот, они ушли и пришли в мое графство, где я их и закопал, без молитвы, как собак. Но перед этим они сожгли один мой город и несколько деревень. И убили их жителей. Вот я и пришел сюда отдать долг. В этот раз я только сжег ваш город, горожан я пощадил, но если еще хоть один вооруженный швис появится на моей земле, то я вернусь, и пощады не будет никому. Так и передай всем своим. А теперь убирайся.

Велел Курту гнать этого члена, и старосту тоже. Повернулся и пошел на свой струг. С погрузкой провозились чуть ли не до обеда. Ну а куда спешить? Дело сделано и теперь можно не спеша плыть домой. По пути я собирался остановиться в нескольких городах. Придется, конечно, заплатить проездную пошлину, ну и черт с ним, зато смогу осмотреть города. Может, что интересное увижу. А может, даже и что-то нужное, что сумею и у себя применить. В Базеле, например, хотелось бы осмотреть мост через Рейн. Для современных европейских технологий — это очень круто. Вообще-то, каменные мосты еще древние римляне строили, и для них они никакой сложности не представляли, да и потом в Византии тоже неплохо с этим справлялись. В Италии строят, но там этим занимаются византийские мастера, а вот для Западной Европы — это и в самом деле круто. Мне бы тоже вместо моего наплавного моста поставить каменный. Тем более Рур намного уже Рейна. Сразу бы оживилась торговля, а это деньги, а значит, и развитие всего региона. А ведь этот регион практически весь мой. Так что мостик такой мне очень даже не помешает.

В других городах тоже что-нибудь интересное подгляжу. В Страсбурге, например, всю работу пороховая фабрика. Ну, фабрику я и сам могу открыть, технологию получения пороха я знаю, но вот где они берут селитру и серу, неплохо бы выяснить. Сомневаюсь, правда, что мне об этом скажут, но попробовать-то можно? Может, удастся подкупить кого из мастеров. Хотя мне в это дело лучше не лезть. Благородному они ни за какие деньги ничего не скажут. Тут надо действовать через людей Гюнтера. Хотя нужно ли мне это? Насколько я помню, селитру добывали из селитряных ям. Вернее, там она созревала. Яма, наполненная дерьмом, известью, различными отходами. Еще вроде бы собирали землю из коровников и свинарников, пропитанную навозом и мочой животных, и из нее вываривали как-то селитру. Очень грязное и вонючее дело. Ну его. Лучше буду покупать. А вот где можно купить — это и надо выяснить.

Я стоял у борта своего струга и строил планы на дальнейшее путешествие. Утренняя апатия вроде стала проходить. Да, понятно, сделал глупость, что поперся сюда мстить, но раз уж приплыл, то хоть с пользой проведу время на обратном пути.

Погрузка между тем закончилась. Последними загрузился взвод кирасиров, который перед этим пронесся по деревне, бросая горящие факелы на крыши домов. Некоторые дома загорелись, и деревенские бросились их тушить. Мешать им я не разрешил. Пусть их. Наши корабли уже все отошли от деревни, когда к другому берегу подошла колонна вооруженных швисов. Около тысячи. Смотрелись они даже красиво. Этаким лес пик и алебард. Вот их, наверное, и поджидали шаффхаузенцы, закрывшись в городе. Если бы мы стали осаждать город, как здесь принято, то к вечеру эта колонна подошла бы к нам с тыла. Две баталии. И из города вышла бы еще одна. Ну, мы-то все равно бы их всех картечью положили, а вот любой другой отряд они вырезали бы. И рыцарская конница не помогла бы. Тем более ни разогнаться, ни развернуться там ей негде. Откуда они, интересно? Ближайший город — Кибург. Наверняка оттуда. И как они так быстро сор-

ганизовались? Вот ведь молодцы какие. Нет, таких никак нельзя в живых оставлять. Такие шустряки могут и до моего графства так же быстро добежать.

Передал вымпелом на другие корабли: «Делай, как я». Другим вымпелом приказал всем зарядить носовые орудия картечью. Потом поставил свой струг носом к другому берегу. Ну, не совсем перпендикулярно к берегу, конечно, а то выстрелом из пушки могло перебить какую-то толстую веревку, которая шла от носа корабля к мачте. Как она называется, я так и не запомнил, хотя мне обо всех этих веревках и рассказывал капитан. Но мне это и не нужно. Веревка и веревка. Все корабли, наконец, встали носом к противоположному берегу. Швисы как раз сгрудились на берегу и слали нам проклятия. Видно, деревенские как раз и занимались переправой с берега на берег, раз они сюда пришли. Что-то, я смотрю, на берегу полно лодок. Но все они с нашей стороны. А жаль. Лучше бы они были на том берегу, тогда потренировались бы в стрельбе по движущейся лодке, так сказать, в боевых условиях. А то даже неинтересно. Столпились на берегу и чего-то орут. Река шириной всего метров триста — триста пятьдесят. А мы отошли от берега метров на полста. Дистанция до противника — менее трехсот метров. Даже жалко их стало. Они-то думают, что наши пушки до них не добьют. Ну-ну. Я дал отмашку — и грянул залп. Не сказать, что он был слитным, но все равно это было что-то. Я аж присел. Ну да, над рекой звук распространяется совсем не так, как над сушей. Даже уши заложило. Пока я мотал головой и прочищал уши, дым рассеялся. На месте толпы швисов лежала груда тел. Немногие уцелевшие мчались прочь от реки. Вряд ли мы перебили всех. Скорее всего, меньше половины. Да и не собирался я их всех убивать, тогда надо было бы бить побатарейно. В этом случае никто бы не ушел. А так снесли только первые ряды, и все. Но напугал я их хорошо. Теперь тысячу раз подумают, прежде чем идти ко мне.

А мы развернулись и поплыли вниз по течению. Плыли до самого вечера, но как только начало темнеть, остановились. К берегу приставать не стали — все-таки это земля швисов,

хотя пока она и принадлежит Леопольду Габсбургу. Но он ее практически не контролирует. Только большие города, где он держит свои гарнизоны, но скоро его и оттуда выбьют. Все-таки швисы — вояки очень хорошие. Жаль, что у меня с ними так получилось. Союзниками мы бы, конечно, не стали — не признают они союзов с чужаками, но нанять я бы их мог. А теперь какой уж найм. Теперь каждый швис будет мечтать перегрызть мне глотку. Ну, пусть попробуют.

Переночевали спокойно, а с раннего утра двинулись дальше. К обеду подошли к Базелю. Все наши суда встали на рейде, а я на своем струге подошел к пристани. Правда, недалеко встали еще два струга, которые страховали нас своими пушками.

Я стоял на носу корабля, рядом с пушкой, и ждал таможенников. Наверняка сейчас припрутся сдирать с нас пошлину за проход через их город. Подскакала какая-то группа всадников. Один из них, в неплохом рыцарском доспехе, приблизился к нам.

— Кто вы такие? — грозно спросил он.

Ни фига себе! Даже с коня не слез. Это уже наглость.

— Я граф фон Линдендорф, а кто вы?

— Я барон Маркус фон Лейтнер, помощник коменданта города.

— Барон, вас в детстве не учили правилам учтивости? Почему вы разговариваете со мной сидя на коне?

— Граф, сейчас не до учтивости. До нас дошли вести, что вы уничтожили несколько сотен подданных нашего герцога. Это так?

— Если вы имеете в виду швисов, то да, так и есть. Я сжег Шаффхаузен и расстрелял колонну каких-то голодранцев, которые шли к городу на помощь. Но я был в своем праве: наемники именно из этого города вторглись в мое графство и устроили там кровавую вакханалию. Так что я только отомстил.

— Но эта земля принадлежит моему герцогу, и город тоже. Вы должны были подать жалобу ему, а не бесчинствовать на его земле. Я буду вынужден задержать вас и проводить к моему господину для разбирательства.

— Барон, вы в своем уме? Задержать меня?

Барон поднял левую руку, и из-за домов стали выбегать арбалетчики. Ничего себе, вот это встреча. Подготовились, собаки.

— Всем занять укрытия! — крикнул я и тут же почувствовал удар в грудь. Удар был такой силы, что меня отбросило на несколько метров, и падая, я неслабо приложился головой о палубу.

Тут же раздались мушкетные выстрелы. Потом грохнула пушка. И еще две. Мушкетная стрельба усилилась, а потом резко все затихло. Я лежал на палубе, и никто ко мне не подходил. Наконец подскочил Элдрик и стал снимать с меня кирасу. Я попытался рассмотреть свою грудь, чуть приподняв голову. Из кирасы торчал арбалетный болт. Прямо напротив сердца. Это что, меня убили, что ли? Не похоже. Голова болит, аж раскалывается, а у мертвых голова болеть не должна. Да и грудь болит. Значит, только ранили, но и ранение в нынешнее время чаще всего приводит к смерти. Так что пора брать свое спасение в свои же руки.

— Что ты возишься с застежками... — зашипел я, — режь ремни.

Элдрик перерезал ремни и снял с меня кирасу. Болт так и остался торчать в ней. С меня уже стягивали хауберк, котарди и камизу.

— Ваше сиятельство, рана неглубокая, сейчас я вас перевяжу.

— Подожди, Элдрик. Сначала промой ее крепким вином, потом почисть, чтобы там не осталось никакой грязи. Чисть кинжалом, но и его сначала промой крепким вином и только потом перевязывай. Но быстрее, быстрее, а то я кровью изойду.

Говорить громко я не мог, но зато шипел с такой злостью, что все делалось очень быстро. Рядом со мной, на коленях, стоял Курт, и лицо у него было такое, что казалось, будто он сейчас заплачет.

— Так, Курт, бери командование в свои руки.

— Я этот город с землей сровняю!.. — зарычал он.

— Не дури, Курт. Очисти мост от солдат герцога, чтобы корабли могли пройти спокойно под мостом, и достаточно. В город не лезь. Он нам не нужен, а людей можем потерять много. Действуй.

Принесли вино, и Элдрик стал промывать рану. От боли я отключился.

Когда пришел в себя, все уже было кончено. Вокруг стояла тишина, только слышался плеск волн. Я лежал в своем закутке. Рядом сидел Элдрик.

— Элдрик, что там происходит?

— Вы очнулись, ваше сиятельство!.. Может, пить хотите?

— Да. Дай воды.

Он напоил меня.

— Как у нас дела?

— Все хорошо, ваше сиятельство. Мы плывем дальше. Города уже почти не видно, только дым заметно.

— Позови Курта.

Вот ведь скотина, сжег все-таки город. Ну я ему сейчас устрою...

Примчался Курт.

— Докладывай.

— Все нормально, ваше сиятельство. Мост очистили. Правда, пришлось поджечь предмостные городские кварталы, чтобы не смогли подойти подкрепления к защитникам моста. А мы атаковали с другой стороны реки. Первые ряды несли перед собой сходни, вместо щитов, а вторые и третьи расстреливали из мушкетов противника. Правда, с кораблями нашими проблема.

— Что еще?

— После частой стрельбы из шестидюймовок почти на всех кораблях появилась течь.

Вот ведь зараза. Как я ни пытался укрепить силовой набор стругов — не помогло. Ладно, и четырехдюймовых пушек, думаю, хватит. А домой вернемся, еще поколдую над кораблями.

— До дома без ремонта дойдем?

— Дойдем, конечно.

— Ну и ладно. Наши потери?

— Семерых мушкетеров убили первым же залпом арбалетчики. Это когда и вас ранило. Двенадцать мушкетеров погибли на мосту. Двадцать три ранены.

— Как выйдем из австрийских земель, остановишь у какой-нибудь деревни — похороним наших мушкетеров. Со мной что?

— С вами все в порядке. Болт пробил кирасу и застрял в кольчуге. В тело вошел на полнаконечника, так что скоро все заживет.

Ага, если от заражения не сдохну. Ну, будем надеяться на лучшее. Хреново, что с герцогом поссорился. Он мне такой плюхи не простит. Я вообще-то рассчитывал, что он только рад будет, что я швисов пощипал — у него с ними не прекращающаяся война, а оно вон как получилось. Если б не этот чокнутый баронишка, все было бы нормально. Написал бы ему потом письмо, извинился — и все бы затихло. А теперь что делать? Ведь он может и ко мне нагряться, тут по реке не так уж и далеко. А если к нему еще и Берг с архиепископом Кельнским присоединятся, то мне совсем кисло станет. Надо будет с отцом Бенедиктом поговорить, может, он что присоветует. Хотя на святош сейчас надежды мало. Ведь сейчас аж два папы. Один, Урбан, сидит в Риме, а другой, Климент, — в Авиньоне. И кого поддерживает Леопольд, я не знаю. Отец Бенедикт контактировал вроде с Григорием, но он уже умер, и кого сейчас поддерживает наш святоша, я тоже не знаю. Приеду, выясню. Если они одного папу поддерживают, то договориться можно, а вот если разных, то плохо, не договорятся.

— Так, Курт. В Страсбурге остановимся на пару дней. Там пороховая фабрика. Выкупишь весь порох, что они продают. Если будут отдельно сера и селитра, то тоже покупай. Сколько продадут, столько и бери. И еще. И в Страсбурге и в других городах рассказывай, что мы подверглись предательскому нападению людей герцога. Что без объяснения причин нас обстреляли из арбалетов. И что погибло много наших людей, не ожидавших такого подлого нападения, и ранен граф. И мы были вынуждены прорываться мимо Базеля с боем. Вести

быстро разойдутся, и пусть герцог разбирается. Предательски расстрелять из арбалетов графа со свитой — это не шутки. Пока он будет разбираться, пройдет немало времени. Может, и удастся избежать нападения. Меня ни для кого нет. Если кто будет спрашивать, то я раненый лежу в своей каюте и никого не принимаю. Все, Курт, командуй.

Курт ушел. А я наконец смог расслабиться и уснуть.

В своей каморке я провалялся весь следующий день, а к вечеру уже встал. Рана не особенно и болела. Резких движений я, конечно, делать еще не мог, но в остальном она мне и не мешала. Так что я сидел на палубе и наслаждался плаванием. Хоронить погибших солдат я все же не пошел — Элдрик не пустил. Да я не очень-то и рвался. Все-таки частичка вины в их гибели была на мне. Если б я не поперся мстить швисам, они были бы живы. Да и на пристани в Базеле я действовал как мальчишка. Слишком расслабился. Посчитал, что все уже позади и ничего плохого нас ожидать не может. Вот и получил. Да и при очистке моста от кнехтов герцога потерь можно было избежать. Если бы я озаботился изготовлением щитов. Обыкновенных ростовых щитов. Хватило бы и десятка. И не надо было бы тащить солдатам перед собой неудобные и не предназначенные для защиты сходни. Хорошо Курт догадался их использовать, а то положили бы там вообще всю роту. А ведь я знал про этот мост и предполагал, что так может произойти, но защитой для солдат не озаботился. Да, пушки и мушкеты не всеильны. Иногда надо и голову включать.

Нет, потери в любой войне неизбежны, но их ведь можно минимизировать. В этом и заключается искусство военачальника. Хреновый из меня командир получился. Конечно, опыт приходит с годами, и в следующий раз я буду готовиться к любому походу более тщательно, но ведь люди уже погибли. Впрочем, я и не рассчитывал вернуться без потерь. Но одно дело потерять людей в бою с сильным противником, а швисы такие и есть, и другое — вот так, по-глупому. Да, тяжело. Все, вернемся — и передам командование войсками Курту, а сам буду заниматься хозяйством. Дел полно. Нужно замки укреп-

лять, новые форты строить. Дороги. Обязательно строить дороги. И два города надо построить — на Руре и на Рейне. Думаю, года за два-три управлюсь. Даже с дорогами. Не такое уж большое у меня графство. Как средней величины район в Московской области. Главное, чтобы эти два-три года ко мне никто не лез. Ближайшие соседи пока и не полезут — ученые, а вот Леопольд Австрийский может. Ну, будем надеяться, что обойдется. Вернемся домой, надо будет отправить отца Бенедикта к императору. Пусть похлопочет, чтобы тот сделал меня имперским князем. Конечно, свободы будет поменьше, да и платить придется, но оно того стоит. Тогда фиг меня кто тронет. С императором связываться вряд ли кто станет. А с другой стороны, ходить в ост каждый год не хочется. Можно, конечно, деньгами отдать, но император не дурак, деньги вряд ли возьмет, а потребует от меня участия в своих походах. А воюет он часто. И буду я каждый год воевать то в Италии, то с поляками, то со шведами или датчанами. А может и потребовать, чтобы я своими пушками и мушкетами поделился. И ведь не откажешь тогда. Сеньору не отказывают. Да, тут надо думать и думать.

В Страсбурге я на берег не ходил. Изображал из себя раненого. Чтобы никто из посторонних не прорвался ко мне, мой струг стоял не у пирса, а недалеко от него, так сказать, на рейде. У города мы простояли два дня. Ушли бы раньше, но была какая-то заморочка с порохом. Пока его подготовили для нас, пока привезли и погрузили... Мы взяли сорок бочонков уже готового пороха и семьдесят бочонков отдельно селитры и серы. Даже двадцать бочонков размолотого угля, хотя его нам и не надо было. Уж уголь мы и сами могли намолоть, но эти жулики без угля отказались продавать селитру и серу. Пришлось брать.

На берег ходила только отдельная группа, состоящая из офицеров и сержантов, остальных не пустили. Пусти солдат в город — обязательно ведь попрутся к шлюхам, как их ни стражай. Не хватало мне еще привезти в свое графство из похода сифилис или подобную ему гадость. Я уж не говорю о том, что вшей и блох набрали бы сполна. А на кораблях ни

помыться, ни постираться толком невозможно. Так что солдатам пришлось потерпеть. Ну и офицерам тоже. С Куртом сходили на берег только десять человек, наиболее сообразительных и продвинутых в торговле. Еще из его прежнего отряда. Был у него даже один бывший торговец, сбжавший когда-то от кредиторов в наемники. Правда, теперь он дворянин и рыцарь, один из ротных командиров. Так что поторговаться было кому.

Мне и самому, конечно, страсть как хотелось побродить по древнему Страсбургу, но пришлось сидеть на корабле и играть роль раненого. А Курт со своими людьми разносил по городу весть, что люди герцога Леопольда предательски напали на графа-хозяина, ранили его и побили его людей. Из арбалетов. Именно на это и делался акцент. Ведь папа Иннокентий Второй еще в 1139 году запретил использование арбалетов во внутрехристианских войнах. Правда, на этот запрет никто не обращал особого внимания. Но именно сочетание того, что граф был ранен предательски, к тому же из арбалета, запрещенного церковью, и заставит Леопольда провести расследование. Иначе пострадает его рыцарская честь, а к этому сейчас относятся серьезно. Пока он будет разбираться, наступит осень, и ко мне он уже не пойдет, а к весне, может, и отынет.

Потом были Зельц, Вормс, Майнц, Кобленц. Везде останавливались на пару дней. Все суда загрузили так, что передвигаться по ним стало довольно трудно. Набрали различных тканей, кож, посуды и прочих товаров, с которыми у нас были проблемы. Закупили также много вина. Оказывается, в южной части течения Рейна оно было лучше, чем у нас. Я-то в этом слабо разбираюсь, но Курт был очень доволен именно этой покупкой. И нигде я не сходил на берег. Зато мои эмиссары везде рассказывали сказку о произошедшем в Базеле. В Кобленце, столице архиепископства Трир, меня даже пригласили к архиепископу. Его посланец и на корабль ко мне прорвался. Но меня всего замотали бинтами, и я лежал в своей каморке с видом умирающего. Так что удалось отбрезаться. Правда, делал это не я, а Курт. Он таких страстей понарас-

сказал посланцу архиепископа о моем ранении, что мне и в самом деле плохо стало. После этого я решил больше нигде до самого дома не останавливаться — накаркает еще... Зато во всех этих городах Курт со своей гоп-компанией отрывался вовсю. Сколько они кабаков обошли — не счесть. Единственное, я ему запретил походы в бордели, пригрозив, что сразу заложу жене. Это его, конечно, огорчило, но не особенно. Они и так неплохо погуляли. С какой завистью смотрели мушкетеры на их пьяные рожи, когда они возвращались на корабль! Как бы они мне Линдендорф не разнесли по возвращении.

Так и плыли. Остановились только в Вольцогене. Там я наконец сошел на берег. Хотел сходить в замок и помыться, но потом передумал. Лошади на кораблях и так измучились, а выгружать их, чтобы выгулять, не хотелось — возни много. Так что лучше уж до дома быстрее добраться. Выслушал только доклад коменданта замка, отдал ему на усиление взвод мушкетеров и одну батарею — и велел плыть дальше. Так же сделал и в Вирте. Но в конце я все-таки не выдержал: пройти половину Германии и ничего не увидеть — это свинство. В Дуйсбурге я велел остановиться и сошел-таки на берег. Правда, граф так и лежал раненый на корабле, а в город сошел простой кирасир. В компании с Куртом, Элдриком и еще тремя кирасирами мы сошли на берег.

Город мне понравился. Именно тем, что это был настоящий город. Мой Линдендорф — это все-таки еще просто очень большая деревня. А Дуйсбург — это уже город. Множество трех- и четырехэтажных зданий. Императорская резиденция. Оказывается, когда-то императоры частенько здесь останавливались. А больше всего меня поразила собор Спасителя. Сам собор еще не до конца был построен, но колокольня уже стояла. 106-метровая башня! Обалдеть — настоящий небоскреб! И это в четырнадцатом веке!.. Я долго любовался башней, обходя ее со всех сторон. У себя я такое вряд ли осилю. Ничего, надеюсь, отец Бенедикт построит собор не хуже этого. Хотя строят сейчас медленно, могу и не дожить до конца строительства. Хорошо бы этот городишко прибрать к ру-

кам. А что? Вполне возможно. Дуйсбург считается свободным городом, хотя это не помешало императору в 1290 году отдать его в залог графу Клеве за две тысячи серебряных империалов. Так что он сейчас в подвешенном состоянии — вроде и свободный, а вроде и нет. Да и ганзейцы на него глаз положили. Даже вроде считают его своим, хотя юридически он им не принадлежит. Очень уж расположен хорошо. При впадении Рура в Рейн. Стоит на берегах сразу и Рура и Рейна. Очень удобно для торговли. Недаром здесь еще при древних римлянах были огромный рынок и поселение, обслуживающее его. Уже сейчас ганзейцы плотно обосновались в городе, и недалек тот день, когда они включают город в свой союз. Тогда его уже не хапнешь. С Ганзой бодаться я еще не готов. Правда, с графом Клеве можно поссориться, но он и так ко мне не очень хорошо относится — все-таки родственник Бергов и родной брат нынешнего графа фон Марк. Тем более передо мной яркий пример — Леопольд Австрийский Габсбург. Совершенно спокойно, под придуманным предлогом, захватил свободный город Базель и плюет на всех. Ладно, надо с Гюнтером еще посоветоваться.

Пообедали в довольно приличной таверне в центре города. Даже не особенно и грязно. Видимо, близость к моему графству дает о себе знать. Да и на улицах было не так уж много грязи. И воняло не очень. Конечно, мы были только в центре города, но и это, со слов Курта, большой прогресс. В других городах и этого нет. Ну так купцы из Дуйсбурга — частые гости в Линдендорфе. Вот и пытаются свой город хоть немного в порядок привести. Надеюсь, у них это получится, в конце концов. А затем и другие подтянутся.

Потом прошлись по порту. Тут был настоящий порт, не то что в моем городке на Руре. Множество складов, пристаней, кораблей. Кораблей никак не меньше сотни. В основном со стороны Рейна, конечно, но и со стороны Рура тоже всего хватало. И складов и кораблей. Правда, со стороны Рейна от реки до города далековато. Как мне объяснил Курт, раньше Дуйсбург стоял прямо на берегу реки, но потом она почему-то изменила свое русло и ушла от города. Но все равно порт

остался и работал довольно интенсивно. Мы все очень внимательно осмотрели. Я даже зарисовки сделал. Курт на меня поглядывал заинтересованно, но молчал.

— Чего глазами лупаешь? Осматривай все как следует. Наметь места для высадки десанта, пути подхода к стенам и воротам.

— Вы собираетесь захватить город, ваше сиятельство?

— Не сейчас, но как там дальше все обернется, кто знает?

Да, город мне понравился. Так понравился, что я твердо решил прибрать его к рукам. Именно сейчас такая возможность есть. Заступить за него теперь в общем-то некому. Если только ганзейцам. Но и им ссориться со мной не с руки — очень уж выгодна торговля моим металлом. И изделия из него. Поссориться со мной и лишиться выгоды из-за города, который по существу им и не принадлежит, они не решатся. Так что если я не буду хлопать ушами, то у меня все получится. Но и в самом деле — не сейчас. Надо все-таки подготовиться, просчитать все еще раз, посоветоваться с Гюнтером.

Погуляв еще по городу, вернулись на корабль. Там и заночевали. И во время ужина и после Курт все ко мне приставал — что я решил с Дуйсбургом. А я как раз ничего еще и не решил. Как говорится: и хочется и колется. Хапнуть город, конечно, хотелось, но к чему это приведет? Город-то ничейный, так что приходи и бери, но земли вокруг принадлежат графу Клеве Адольфу Первому. А если я захвачу город, то и землю вокруг, конечно, прихвачу. Во всяком случае, со своей стороны Рейна и Рура. Хотя и на другом берегу Рура находится мое баронство. И было бы неплохо слегка увеличить его. Как раз до Рейна. А это опять же земля графа Клеве. Так что если я прихвачу кусок земли на одном берегу Рура, то и на другом придется делать то же самое. Семь бед, один ответ. Так что с графом Клеве я поссорюсь очень серьезно.

А кто у нас граф Клеве? А граф у нас Адольф, младший брат Энгельберта, графа фон Марк, моего бывшего сюзерена. В принципе, объединившись, они бы могли двинуться на меня, но опоздали. Год проваландались, а потом у них началась

заварушка с епископом Кельнским. Как раз в семьдесят седьмом году. И он бы, объединившись с Бергом, братцам накостылял; собственно, это они и собирались сделать, попутно растоптав малолетнего барона, но не вышло. Малолетний барон помножил на ноль их объединенную армию, чем очень помог и своему бывшему сюзерену и его братцу. Так что они в общем-то мои должники. Но про долг они сразу забудут, как только я откушу кусочек от графства Клеве. Да и какой долг? О чем это я? Фон Марк меня давно растоптал бы, если б мог. Но боится. Даже в союзе с братом боится. Одно хорошо — не смогут они объединиться против меня с архиепископом Кельнским Фридрихом Третьим Саарверденом. Слишком уж не любят они друг друга. Да и находятся они еще до сих пор в состоянии войны друг с другом.

А архиепископ — союзник фон Берга. И Берг с архиепископом будут очень рады, если я отщипну кусочек и от Клеве. Не страдать же им одним. Получится, что я от всех соседей по кусочку отщипну. Ну, тогда надо от Клеве отщипнуть побольше, а то несправедливо получится. До реки Эмшер или даже Липпе. Как раз как парочка моих баронств получится. Небольших баронств. Или одного большого, вроде баронства Кетлин. От Марка, Берга и Кельна я ведь отгрыз кусочки очень не плохие. Особенно от Берга и Марка.

Да, тут надо думать. Очень хорошо думать. И не одному. Я ведь всех современных раскладов не знаю. Надо с Гюнтером посоветоваться. А лучше сразу с отцом Бенедиктом. Он вроде ко мне хорошо относится, так что плохого не посоветует. А уж следовать его совету или нет, будем решать вместе с Гюнтером и Куртом. На этом и остановлюсь. Нечего сейчас голову ломать. Да и спать пора.

ГЛАВА 2

Утром отправились домой. Всю дорогу я думал о Дуйсбурге. Отгонял от себя мысли о нем, а они опять возвращались. Да, зацепил меня этот городишко. Он и в самом деле был со-

всем небольшим. Мой Линдендорф не меньше, а скоро и вообще обгонит его по всем показателям. Одного у него нельзя отнять — это настоящий город с тысячелетней историей. Он был городом еще при римлянах. Тех, которых почему-то называют древними. Вот при них он и возник. А это завораживало. Да, он не очень благоустроен. И промышленности в нем практически нет. Он жил только с торговли. Но, думаю, если он попадет в мои руки, я из него конфетку сделаю. Торговля так торговля. Будет торговой столицей моего графства, а Линдендорф — промышленным центром. Так и надо сделать. А то слишком тесно стало в Линдендорфе от разных непонятных людей. Все называют себя купцами, а кто на самом деле? Нет, в основном, конечно, купцы, но Ирма правильно сказала: купцы-то приезжают не одни, а со свитой. И кого они с собой привозят, хрен знает. А ведь секретов в Линдендорфе столько, что и сейчас не знаю, как их уберечь, а дальше будет только хуже. Вот и надо сделать так, чтобы лишние люди у меня в городе были наперечет. Не фигу там разным шпионам болтаться. Если Дуйсбург отожду, то так и сделаю — он у меня будет торговым городом, этаким огромным торгово-развлекательным центром, а Линдендорф — административной, промышленной и научной столицей. И в город пускать только по приглашениям. Вот так будет правильно.

Вот наконец мы и дома. К Хаттингену подошли после обеда. Мне подвели коня, и я рванул домой. Думаю, Курт здесь и без меня справится.

Ами меня в этот раз не встречала. Да и откуда она могла узнать, что мы уже прибыли? Об этом еще никто не знает. Нашел ее на женской половине в компании жен моих офицеров. Ну и хорошо. Одной ей было бы совсем грустно. Увидев меня, она с радостью попыталась вскочить, но не получилось. Да, с таким животом не попрыгаешь. Но он, кстати, ее совсем не портил. Чувствовалась, конечно, некоторая одутловатость, скованность движений, но лицо чистое, без пятен. Да и какая, впрочем, разница. После родов все равно ведь все пройдет, и она опять станет стройной и изящной. А сейчас она прекрасна уже тем, что носит моего ребенка.